



Письмо И. С. Аксакова къ графинѣ А. Д. Блудовой

Печатаемое ниже письмо даетъ хорошее представленіе о томъ, какъ наши официальные сферы тому шестьдесятъ лѣтъ назадъ относились къ Славянскому дѣлу, принявшему въ настоящее время такой грандіозный характеръ. Надо при этомъ замѣтить, что въ тѣ времена Славянская взаимность провозглашалась въ Россіи въ скромномъ видѣ взаимности *исключительно культурной*, изъ за которой Австрійскія власти предполагали усматривать опасные политическіе замыслы. Не удивительно, что Австрійское правительство относилось враждебно, къ какому бы то ни было стремленію къ объединенію Славянъ хотя бы только на культурной почвѣ, и не для иллюстрированія этой его черты настоящее письмо можетъ быть любопытно. Оно любопытно для уясненія того, какъ наше правительство относилось къ Славянскимъ стремленіямъ по адресу Россіи. Стремленіе подавить эти стремленія въ угоду Австріи, какъ противоестественное, должно было рано или поздно сначала исчезнуть, а потомъ принять ту воинственную форму, которая легла въ основаніе теперешнему міровому потрясенію, изъ котораго Славянской идеѣ, можетъ быть, суждено выйти въ томъ окончательномъ видѣ, о которомъ дѣятели 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія только могли мечтать.

И. С. АКСАКОВЪ ГРАФИНЪ А. Д. БЛУДОВОЙ

1860 г.

Вѣна.

Понед. 31 Октября/12 Ноября.

Намъ съ Вами, Графиня, нечего говорить другъ другу о громадности нашей потери ни о великости бѣды, разразившейся надъ нами, надъ всей Россіей!—Никогда не становясь въ позицію главы партіи или учителя, Хомяковъ, конечно, былъ не только нашимъ вождемъ и учителемъ, но и постояннымъ неисчерпаемымъ источникомъ живой силы духовной, мыслей жизненныхъ, плодотворныхъ, такъ сказать жиждущихъ.—Мудрецъ съ младенческой простотою души, аскетъ, постоянно озаренный святымъ чистымъ веселиемъ души, поэтъ, философъ, пророкъ, учитель церкви, Хомяковъ, какъ и въ порядкѣ вещей, былъ оцѣненъ при жизни очень не многими, но значеніе его будетъ расти съ каждымъ годомъ. Его слово еще звучитъ, несется чрезъ современные поколѣнія къ поколѣніямъ грядущимъ.—

Не знаю, какъ въ Россіи, но здѣсь это извѣстіе глубоко огорчило всѣхъ мыслящихъ, образованныхъ Славянъ. Насъ это извѣстіе застало въ Вѣнѣ, недѣли двѣ скрывалъ я это отъ брата, пока не подготовилъ его постепенно. Поэтому только вчера могли мы отслужить здѣсь въ нашей церкви публичную панихиду по Хомяковѣ. Мы напечатали въ здѣшнемъ Fremdenblatt объявленіе, которое я Вамъ посылаю и которое, передъ тѣмъ за недѣлю въ Воскресенье было прибито къ церковнымъ дверямъ. Другихъ не было приглашеній. Церковь въ назначенный день, именно вчера, наполнилась представителями всѣхъ Славянскихъ племенъ, не только православныхъ, но и Католическихъ и Уніатскихъ. Послѣ литургіи, Мих. Ѳеодор. Раевскій, съ искреннимъ чувствомъ, со всевозможною торжественностью, отслужилъ панихиду. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ написать прекрасно задуманную имъ проповѣдь на текстъ: „не бойся, малое стадо“, и потому никакого слова произнесено не было.—Тутъ были и Галичане,

знающіе всѣ наизусть стихи Хомякова къ Кіеву; и Чехи, помнящіе его посланіе къ Ганкъ, и другіе Славяне, также не забытые и названные въ стихахъ Хомякова. Не было только, знаете ли кого? *Русскихъ!* Мы, конечно, тутъ были съ братомъ, но, какъ Русскіе литераторы. Славяне же здѣсь привыкли связывать идею Россіи съ ея официальнымъ представительствомъ и потому были поражены, огорчены, смущены, скандализированы тѣмъ, что *ни одного чиновника посольства не было въ церкви!* А между ними есть православные, бывающіе въ церкви, и къ тому же было Воскресенье! Дѣло было не случайно. Управляющій посольствомъ Кноррингъ находилъ неприличнымъ служить по Хомяковѣ паннихиду въ Посольской церкви и *запретилъ* своимъ чиновникамъ быть на паннихидѣ. Но это его дипломатическое поведеніе получило характеръ рѣзкой *демонстраціи*, характеръ *протеста*, произведшаго сильное впечатлѣніе на Славянъ.—Что было намъ отвѣчать на ихъ вопросы. Мы были поставлены въ очень неловкое положеніе. Славяне видѣли, что правительственная Россія не только не уважаетъ Русскихъ поэтовъ, но даже явно, публично оказываетъ къ нимъ полное презрѣніе. Но этого мало. Они подумали, что это презрѣніе относится именно къ тому поэту и писателю, который былъ проповѣдникомъ идеи Славянства; слѣдовательно, объясняли они, это презрѣніе распространяется на самое идею и на всѣхъ Славянъ! Нѣтъ, говорятъ они, когда дѣло дойдетъ до публичности, то Россія всегда постыдится насъ предъ лицомъ свѣта! Разумѣется, мы старались всѣчески поправить дѣло, сваливая вину на болѣзни и недоразумѣніе, но въ сущности Славяне правы! Я знаю, (но это между нами) Кноррингъ призывалъ къ себѣ потомъ священника и дѣлалъ ему официальный выговоръ при всѣхъ членахъ посольства. Не грустно ли это? И чего они боятся! Демонстраціи!—Но даже проповѣди не было произнесено, но присутствовавшіе, отслушавъ паннихиду благочестиво, тотчасъ же разошлись, но *демонстрація* была учинена Русскимъ Посольствомъ. Теперь же въ особенности нечего бояться въ Австріи. Правительство смущено, потеряло голову и управленіе, вообще говоря, слабо.—Полулиберальныя учрежденія, данныя Правительствомъ, нисколько не удовлетворили ни одно племя, входящее въ составъ Австрійской Монархіи; однако-же дали свободы настолько, что теперь всякое неудовольствіе выражается смѣлѣе и гласнѣе. Правительство боится только Венгріи и все его вниманіе обращено въ эту сторону, и надзоръ за Славянами значительно ослабленъ. Впрочемъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: будь здѣсь Балабинъ, онъ непременно былъ бы въ церкви и воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы скрѣпить союзъ Россіи съ Славянами. Балабинъ имѣетъ между Славянами добрую

извѣстность и безбоязненно принимаетъ у себя каждаго Славянина. Это великое для насъ, Россіи и Православія счастье, что Балабинъ здѣсь посланникомъ. Сочувствія къ Хомякову, конечно, и нельзя было ожидать отъ Кнорринга, Протестанта, перешедшаго въ Католицизмъ, но можно было требовать отъ него *боліише дипломатическаго такта*. Я печатаю теперь въ Лейпцигѣ одно изъ послѣднихъ произведеній Хомякова, это „Посланіе къ Сербамъ“ отъ насъ всѣхъ, имъ и нами всѣми подписанное. Оно печатается (съ нашими подписями) на Русскомъ и на Сербскомъ языкѣ вмѣстѣ. *Политическаго тутъ ничего нѣтъ*. Цѣль посланія передать заблаговременно Сербамъ нашу горькую опытность, чтобы они не впади въ наши ошибки,—оно не назначается собственно для продажи, но назначается для чтенія Сербамъ, которымъ и будетъ доставлено съ честною явностью. Когда будетъ готово, я Вамъ пришлю. Оно имѣетъ характеръ совершенно духовнаго посланія. Я просилъ Митрополита Сербскаго отслужить торжественную въ Бѣлградѣ панихиду по Хомяковъ отъ имени Сербіи. Думаю, что онъ безъ затрудненія исполнилъ мою просьбу. Когда я былъ въ Бѣлградѣ, я получилъ Ваше письмо, но не отвѣчалъ на него потому, что исполненіе Вашего порученія приняла на себя Катерина Ивановна Милорадовичъ, отправлявшаяся въ Дрезденъ. Мнѣніе Митрополита впрочемъ было несогласно съ Вашимъ, и когда я былъ въ Сербіи, меня удержали отъ свиданія съ Костичемъ для того, чтобы напоминачіемъ о быломъ не вывести его изъ того тихаго и смирнаго состоянія, въ которомъ онъ тогда находился. Прошу Васъ передать мое глубочайшее уваженіе Графу Димитрію Николаевичу. Дай Богъ, чтобы здоровье его не разстроилось Петербургскою зимою. Преданный Вамъ

Ив. Аксаковъ.

